

СЛОВО СВЫШЕ

A movie poster for the film "Слово Свыше" (Word Above). The scene is set in a snowy, desolate landscape under a dark, cloudy sky. In the foreground, a young man with curly hair, wearing a heavy, snow-dusted military coat, leans over another man who is lying face up in the snow. The man lying down has a mustache and is also in a military uniform. In the background, a horse stands in the snow, and a small village with a church is visible in the distance. The overall mood is somber and poignant.

СЕРГЕЙ СТАРИДИ

Сергей Старики

Слово свыше

<https://litres.ru/74637467>

SelfPub; 2026

Аннотация

Весна 1918 года. Кубань. Гражданская война.

В походной избе молодой доброволец Михаил Петров слушает семейную историю своего дяди, офицера Георгия Симбирского.

С 1718 года мужчины их рода время от времени сталкивались с необъяснимым явлением. В минуту смертельной опасности мир вокруг внезапно замирал: переставала течь вода, останавливался дым, листья зависали в воздухе. Затем появлялся небольшой бело-голубой Свет, и спокойный человеческий голос произносил короткое указание.

«Не садись».

«С дороги. Жди».

«Ложись».

Те, кто слушались, оставались живы.

Разумное объяснение этому находилось всегда: совпадение, обман памяти, семейная легенда.

Пока мартовским утром 1918 года время не останавливается уже перед самим Михаилом.

И Свет действительно произносит слово свыше.

Только совсем не то, которого ждали.

«Слово свыше» — историко-фантастическая повесть о семейной памяти, времени и событиях, смысл которых иногда становится понятен лишь тогда, когда они уже превратились в прошлое.

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Слово свыше

Глава

Жизнь моя, милостивые государи, до недавнего времени представлялась мне подобною повозке, которая, влекомая неведомою силою, движется чрез леса, поля и города, увозя с собою меня, родных моих и всякого, кому выпало сопутствовать мне на сей дороге. Все они, казалось мне, сидели лицом вперёд и с надеждою, любопытством, а подчас и страхом смотрели на ещё неведомый путь.

Я же один сидел к ней спиною.

Не берусь судить, по чьей воле досталось мне столь неудобное место; однако с ранних лет взгляд мой обращён был на то, что уже оставалось позади.

Посему о приближении примечательного происшествия узнавал я прежде всего по лицам моих спутников. Сам же, лишённый возможности видеть причину всеобщего волнения, стряхивал дорожную пыль с рукавов камзола и дивился внезапному их смятению.

Но стоило событию миновать нас, как оно впервые открывалось моему взору. Я различал подробности, прежде ускользнувшие от других, вспоминал слова, которым никто не придал значения, сопоставлял лица и поступки. И то, к чему ещё недавно сердце моё оставалось холодно, начинало

тревожить его с такою силою, словно происходило в эту самую минуту.

Только разделить сие позднее волнение почти никогда не удавалось. Спутники мои уже забывали о происшедшем и ожидали новых перемен. Мне же оставались одни тени.

Так проходили годы. Повозка тряслась на ухабах, рядом со мною менялись лица. Одни спутники сходили, другие занимали их места. Лишь прошлое не оставляло меня и мало-помалу сделалось мне ближе многих живых.

Я привык к сему положению и уже не почитал его ни несчастьем, ни особливую милостью Провидения. Таков, полагал я, был назначенный мне образ взирать на мир.

Однако недавно случилось со мною происшествие, после которого я усомнился не только в том, куда обращён мой собственный взор, но и в том, верно ли мы понимаем дорогу, по которой движемся.

О сем происшествии намерен я поведать со всею точностью, какая доступна памяти человеческой. А посему прошу вас, милостивые мои государи, не спешить ни с насмешкою, ни с осуждением, прежде нежели узнаете всё, что произошло со мною...

Голубоватые строки прочитанной рукописи оплывали белёсым пеплом. Весёлый огонёк с каждой затяжкой пожирал пожелтевший лист, свёрнутый в подобие самокрутки.

Михаил Петров смотрел на него с невольным раздражением: с детства эти бумаги казались ему почти священными.

Особенно обидно было видеть их в таком употреблении у родного дяди.

Георгий Николаевич Симбирский сидел у стола, придвинувшись боком к маленькой керосиновой лампе, курил, щуря усталые серые глаза, и словно не замечал укоризненного взгляда племянника. От его некогда щегольского офицерского вида за недели похода осталось немного: тёмные усы отросли, щёки ввалились, на воротнике гимнастёрки выступила белёсая соль высохшего пота, а сапоги у печи покрывала корка засохшей грязи.

За тонкой дощатой стеной тяжело переступали лошади. В короткие минуты тишины слышалось домашнее похрустывание сена, странно соседствовавшее с винтовками у стены, мокрыми шинелями и далёким гулом, приходившим из ночи.

Был вечер семнадцатого марта. За окнами Ново-Дмитриевской опять мелко сеяло снегом, и темнота за мутными стёклами казалась не чёрной, а серой, зимней, хотя по календарю давно полагалось быть весне.

— Вы же её курите, — наконец сказал Михаил.

Симбирский вынул самокрутку изо рта и посмотрел сперва на неё, потом на племянника.

— Вижу.

— Это ведь его рука.

— Чья?

— Николая Андреевича.

— Не его. Поздний список.

Георгий Николаевич снова затаился и, чуть усмехнувшись, добавил:

— Оригинал мать твоя хранит так, будто это грамота на царство. С ним ничего не случится. А тут половина страницы водой съедена, половина мышами.

Михаил всё-таки поморщился.

— Всё равно жалко.

— Если завтра красные сюда войдут, этими листами печь растопят.

Он постучал пеплом о край жестяной кружки.

— Лучше уж я.

У противоположной стены тихо рассмеялся Соколов, молодой поручик с белёсым, ещё почти мальчишеским лицом, которое делала старше лишь тёмная недельная щетина.

— Вот так и гибнут архивы, Георгий Николаевич. Историки потом скажут: утрачено в годы смуты.

— Историкам полезно иногда чего-нибудь не знать, — отозвался Симбирский. — У них тогда воображение лучше работает.

— Как и у ваших предков, судя по прочитанному, — заметил Арсеньев.

Павел Евгеньевич Арсеньев лежал, не снимая шинели, на лавке у стены и держал в ладонях кружку остывшего чая. Говорил он негромко и немного лениво, словно спорил единственно из нежелания позволять собеседнику слишком

удобно устраиваться в собственных убеждениях.

Симбирский посмотрел на него без обиды.

— До предков мы ещё не дошли.

— А я думал, как раз дошли. Повозка, судьба, Провидение... Всё располагает.

— Это Николай Андреевич. Он любил выражаться странно.

— Вы, Георгий Николаевич, однако, лист за листом сокращаете его весьма решительно.

Соколов снова засмеялся. Михаил тоже невольно улыбнулся, и даже Симбирский, стараясь сохранить серьёзность, повёл усами.

В избе было жарко только возле печи. У окон и вдоль стен держался сырой холод. Одежда пахла овчиной, дымом, лошадиным потом и той дорожной сыростью, которая за долгие недели похода въедалась уже, казалось, в самого человека. Михаил сидел на перевёрнутом ведре, вытянув к огню ноги в шерстяных носках, и чувствовал, как ноют ступни. Хотелось спать. Хотелось чаю. Хотелось хотя бы одну ночь проснуться не от холода, команды или выстрела.

Георгий Николаевич докурил остаток листа, раздавил огонёк и потянул к себе полотняный пакет из-под шинели на краю стола. Михаил невольно задержал на нём взгляд. Такой же пакет — только чистый, перевязанный синей тесьмой — мать доставала из нижнего ящика комода, когда ему было лет семь или восемь. Доставала редко и всякий раз сперва

мыла руки.

На этом же ткань посерела, на одном углу темнело бурое пятно, тесьма давно исчезла, и пакет был перевязан простым шнурком.

— Первый случай — весна тысяча семьсот восемнадцатого года, — сказал Симбирский.

Арсеньев вздохнул.

— Началось.

— Вы же сами хотели знать, отчего приличный человек таскает по Кубани эту макулатуру.

— Хотел знать, как человек, учившийся в кадетском корпусе, может всерьёз верить в семейные привидения.

— Никаких привидений.

— Тем хуже.

Симбирский развязал шнурок, перебрал несколько сложенных вчетверо листов и вынул поздний список с хорошо различимым почерком.

— Андрей Саввич Симбирский. Весна тысяча семьсот восемнадцатого. Место в бумагах не названо точно. Где-то на Волге, вероятно неподалёку от Симбирска.

— Фамилия обязывает, — заметил Арсеньев.

— Род наш в тех местах жил давно, — сказал Симбирский. — Но оставим это любителям родословных. Суть проще.

Георгий Николаевич помолчал, глядя на лист.

Андрей Саввич ехал тогда домой. Весна была поздняя,

вода поднялась быстро, переправа едва действовала, однако людей на обоих берегах скопилось столько, что ждать никто больше не хотел. В широкую плоскодонную лодку грузились мужики с мешками, две бабы, приказчик с сундуком и сам Андрей Саввич с дорожной сумкой.

— Значит, обычный перевоз? — спросил Соколов.

— Совершенно обычный.

Симбирский говорил спокойно, без всякой таинственности. И та давняя петровская весна представлялась просто: мутная вода, размытый берег, нетерпеливые люди, которым хотелось поскорее попасть на другую сторону.

Андрей уже занёс ногу над бортом, когда заметил, что перестал слышать реку. Не постепенно — сразу.

Только что вода плескалась о днище, кто-то ругался позади, лошадь на берегу била копытом, перевозчик кричал, чтобы не толкались, — и вдруг наступила такая тишина, что Андрей услышал собственное дыхание.

Андрей сперва решил, что с ним сделалось дурно. Потом заметил каплю: сорвавшись с весла, она блеснула и остановилась, не долетев до реки.

— Остановилась? — переспросил Соколов.

— Так записано.

Арсеньев ничего не сказал, только удобнее устроился на лавке.

Перед Андреем, приблизительно в двух шагах, возник свет. Круглый светлый предмет величиной, как записали

позднее со слов Андрея Саввича, «не более головы человеческой». Белый, с голубизной внутри, будто зимнее небо проглядывало сквозь тонкий лёд.

Андрей Саввич даже перекреститься не успел.

Из света раздался голос — спокойный, будничный, словно вокруг продолжалась обыкновенная жизнь. Мужской или женский — Андрей впоследствии определить не сумел. Голос сказал только:

— Не садись.

И свет исчез. Капля упала в воду, перевозчик выругался, кто-то толкнул Андрея в плечо и спросил, чего он застыл посреди дороги.

Андрей отступил.

Перевозчик сердился: место уже было оплачено, люди торопились. Андрей всё же отказался садиться и остался на берегу.

— И она, разумеется, утонула, — сказал Арсеньев.

— Не разумеется. Перевернулась ниже по течению.

Лодка ударилась о затопленный ствол. Её развернуло и опрокинуло. Большинство людей выбралось или было вытащено с берега, но троих унесло. Среди них оказался приказчик с сундуком.

В избе стало тихо. В печи осыпалось полено, выбросив из щели несколько красных искр.

— Так он потом и записал? — спросил Михаил.

— Нет. Рассказал сыну, Николаю Андреевичу. Тот запи-

сал много позднее.

Арсеньев хлебнул из кружки и поморщился — чай окончательно выстыл.

— Вот именно. Лодки переворачиваются и без Божьего промысла.

— А голос? — спросил Соколов.

Павел Евгеньевич пожал плечами.

— Через сто лет семейная память и не такими голосами заговорит. Человек не сел в лодку, лодка попала в беду; к вечеру уже скажут, что он заранее почувствовал несчастье, а правнук непременно услышит архангела.

— Архангела в наших бумагах нет, — заметил Симбирский.

— Пока.

Георгий Николаевич улыбнулся, снова перебирая листы.

— Николай Андреевич примерно так же рассуждал.

Он нашёл нужную страницу, расправил её на столе и на мгновение задержал ладонь на выцветших строках.

— А в августе семьдесят четвёртого он увидел Свет сам.

Август семьдесят четвёртого года стоял знойный, сухой. Дым тянулся над полями сизыми полосами, съедал даль; солнце сквозь него казалось красноватым, точно медная монета, долго пролежавшая в огне. Горели леса, деревни и усадьбы; трудно было понять, что пожирал случайный пожар, а что оставлял за собою бунт.

Николай Андреевич Симбирский ехал в Москву не спеша.

По тогдашним дорогам торопиться было делом неблагодарным, а в те недели ещё и небезопасным: по лесам и трактам бродили отставшие от пугачёвских отрядов люди, которым случалось грабить уже от собственного имени.

Встречались пустые деревни, брошенные телеги, разломанные сундуки. На одном пожарище Николай увидел целую детскую деревянную лошадку, почерневшую только с одного бока, и долго потом вспоминал именно её.

Сам он впоследствии писал, что рассказ отца помнил хорошо, но верил ему лишь настолько, насколько воспитанный сын обязан верить человеку, которого любит. Андрей Саввич к старости сделался молчалив и сердился, когда домашние пытались выведать подробности. История о Свете жила в семье без доказательств и объяснений, почти наравне с портретами предков и старым серебром, которых никто уже не помнил новыми.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.